

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 1. С. 28–49.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 1. P. 28–49.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-1-28-49

«РУССКАЯ ИДЕЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО КАК ИДЕЯ НОВОЙ ЕВРОПЫ

Федор Александрович Гайда

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет, Москва, Россия,
fyodorgayda@gmail.com

 Аннотация. В статье рассматривается вопрос об истоках и эволюции представлений Ф. М. Достоевского о «русской идее». Возникновение этого понятия связывается с творчеством Достоевского, но позднее термин получил самостоятельную жизнь и использовался в разнообразных смыслах и контекстах. В статье отмечается, что первоначально Достоевский писал о петербургской идее как смысле существования России. Эта идея воплощалась в практическом смысле, жизненной динамике и в «настоящем моменте». Каторга, по собственному признанию писателя, открыла ему русский народ. «Русская идея» стала синтезом идеи петербургской и настоящей жизни русского народа. Автор статьи показывает, что первоначальные взгляды писателя не были отброшены, они продолжали последовательно развиваться и в последующее время. Трансформация заключалась в том, что воплощение «русской идеи» пе-

Во всех цитатах курсивом выделены слова, подчеркнутые авторами цитируемых текстов, полужирным шрифтом — подчеркнутые автором настоящей статьи. — *Примеч. ред.*

© Гайда Ф. А., 2022

реносилось в будущее, она становилась смысловым завершением пути России как европейской державы и русского народа как европейского христианского народа. Россия как последняя великая европейская нация завершала путь всей Европы. Важнейшими вехами становления России Достоевский считал реформы Петра I и Александра II, несмотря на все признаваемые писателем издержки этих событий. Текущей задачей России становилось деятельное развитие этого процесса, без чего перспектива «русской идеи» могла быть утрачена.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, русская идея, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, А. Н. Майков, Петр I, Великие реформы

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Ссылка для цитирования: Гайда Ф. А. «Русская идея» Ф. М. Достоевского как идея новой Европы // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 1. С. 28–49. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-1-28-49>.

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

“RUSSIAN IDEA” BY F. M. DOSTOEVSKY AS THE IDEA OF A NEW EUROPE

Fyodor A. Gayda

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

St. Tikhon Orthodox University, Moscow, Russia,

fyodorgayda@gmail.com

Abstract. The author of the article examines the issue of the origins and evolution of F. M. Dostoevsky about the “Russian idea”. The emergence of this concept is associated with the work of Dostoevsky, but later the term took on an independent life and was used in a variety of senses and contexts. The article notes that Dostoevsky originally wrote about the Petersburg idea as the meaning of the existence of Russia. The Petersburg idea was embodied in a practical sense, life dynamics and in the “present moment”. Hard labor and exile, by the writer’s own admission, opened the Russian people to him. The “Russian idea” became a synthesis of the idea of St. Petersburg and the real life of the Russian people. The author of the article shows that

the original views of the writer were not discarded, they continued to develop consistently in subsequent times. The transformation consisted in the fact that the embodiment of the “Russian idea” was transferred to the future, it became the semantic completion of the path of Russia as a European power and the Russian people as a European Christian people. Russia, as the last great European nation, completed the path of the whole of Europe. Dostoevsky considered the reforms of Peter I and Alexander II to be the most important milestones in the formation of Russia, despite all the costs of these events recognized by the writer. The current task of Russia was the active development of this process, without which the perspective of the “Russian idea” could be lost.

Keywords: F. M. Dostoevsky, Russian idea, V. S. Soloviev, N. A. Berdyaev, A. N. Maikov, Peter I, Great Reforms

Acknowledgments: The study was supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Gayda, F.A. (2022) “Russian Idea” by F.M. Dostoevsky as the Idea of a New Europe’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(1), pp. 28–49. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-1-28-49.

На пороге XXI столетия вопрос о «русской идее» приобрел, пожалуй, наиболее широкую аудиторию. В сверхпопулярном кинофильме «Брат-2» А. Балабанова нью-йоркский таксист заявил главному герою: «Русская идея! Достоевский! Держава! А где твоя Родина, сынок?..» По ходу фильма выяснялось, что «русская идея» по-прежнему сохраняла свою силу, а сила, как известно, «в правде». Этот ответ отсылал зрителя к классическому фильму С. Эйзенштейна «Александр Невский» («Не в силе Бог, а в правде!») и истокам русского духа. Вскоре после этого А. В. Гулыга написал: «Сегодня русская идея прежде всего звучит как призыв к национальному возрождению <...> России. <...> Русская идея — это составная общечеловеческой христианской идеи, изложенная в терминах современной диалектики» [Гулыга, 2003, с. 33].

В кругах интеллигенции «русская идея» в первую очередь ассоциировалась с двумя одноименными классическими произведениями религиозных философов: брошюрой В. С. Соловьева (1888) и книгой Н. А. Бердяева (1948). Примечательно, что оба произведения были написаны в Париже и для заграничной

аудитории. Соловьев ставил «вопрос о смысле существования России в мировой истории» [Соловьев, 1989, с. 219]. Философ задавался вопросом не о русском самосознании, а о саморазвертывании мирового духа: «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [там же, с. 220]. В этой связи Россия как таковая имела ценность лишь как часть человечества и христианского мира. «Русская идея» представляла собой «лишь новый аспект христианской идеи» и заключалась в создании всемирной теократии. При этом основное значение в России Соловьев придавал не православию или интеллигенции, а самодержавию: «Русская империя, пожелавшая служить Вселенской Церкви и делу общественной организации, взять их под свой покров, внесет в семью народов мир и благословение» [там же, с. 245–246].

Бердяев ставил вопрос по сути так же, как и Соловьев: «Меня будет интересовать не столько вопрос о том, чем эмпирически была Россия, сколько вопрос о том, что замыслил Творец о России, умопостигаемый образ русского народа, его идея» [Бердяев, 2008, с. 29]. При этом ответ Бердяев давал прямо противоположный. Критически относясь к церковной и государственной традиции, мыслитель выдвигал на первый план народ, и в особенности общественность:

Русская идея — эсхатологическая, обращенная к концу. Отсюда русский максимализм. Но в русском сознании эсхатологическая идея принимает форму стремления ко всеобщему спасению. Русские люди любовь ставят выше справедливости. Русская религиозность носит соборный характер. Христиане Запада не знают такой коммюнитарности, которая свойственна русским. Все это — черты, находящие свое выражение не только в религиозных течениях, но и в течениях социальных. Известно, что главный праздник русского православия есть праздник Пасхи. Христианство понимается прежде всего, как религия Воскресения. Если брать православие не в его официальной, казенной, извращенной форме, то в нем больше свободы, больше чувства братства людей, больше доброты, больше истинного смирения, меньше властолюбия, чем в христианстве западном. За внешним иерархическим строем русские в последней глубине всегда были антииерархичны, почти анархичны. У русского народа нет той любви к историческому величию, которым так пленены народы Запада. Народ, обладающий величайшим в мире государством, не любит государства и власти и устремлен к иному. <...> Русский народ, по своей вечной идее, не любит устройства этого земного града и устремлен к Граду Грядущему, к Новому Иерусалиму, но Новый Иерусалим не оторван от огромной русской земли, он с ней связан, и она в него войдет. Для Нового Иерусалима необходима коммюнитар-

ность, братство людей, и для этого необходимо еще пережить эпоху Духа Св., в которой будет новое откровение об обществе. В России это подготовлялось.

[Там же, с. 299, 301]

Иными словами, в понимании интеллигенции «русская идея» выступала как часть всемирной эсхатологической идеи. Ее воплощение связывалось не с торжеством православия, а с будущим триумфом государственности (пусть и весьма необычным) или общественности. При этом от России требовалось самоотречение: отказ от собственной церковности, а в случае Бердяева — и от государственной традиции. Тем не менее само понятие «русская идея», взятое на вооружение Соловьевым, изначально связывалось с мыслью Ф. М. Достоевского. Эволюция взглядов писателя в этом отношении весьма примечательна. Безусловно, и о самой «русской идее», и о ее значении в мировоззрении Достоевского написано много [см.: Яицкий, 2011; Кочеров, Парилов, Кондратьев, 2018]. Преимущественно авторов интересовала систематизация взглядов различных мыслителей (зачастую выражавших диаметрально противоположные позиции), а также своих собственных на заданную тему. Универсалистская специфика мысли Достоевского уходила на второй план. При этом А. В. Гулыга отметил, что для писателя «русская идея» — «воплощенная в патриотическую форму концепция всеобщей нравственности», и в этом смысле видел его продолжателем И. Канта. Только средство у Достоевского радикальнее: не уважение к людям, а любовь [Гулыга, 2003, с. 105, 112]. А. А. Горелов называет это «русским социализмом Ф. М. Достоевского» [Горелов, 2017, с. 64]. В данной статье будут рассмотрены истоки этой мысли у самого Достоевского и особенности ее эволюции.

Сперва об «идее» как таковой. Уже в 1840-е годы молодой Достоевский, находившийся под влиянием В. Г. Белинского, критиковал идеалистические настроения, что достаточно ярко проявилось уже в первом опубликованном произведении — романе «Бедные люди» (1846). В повести «Хозяйка» (1847) описывалось формирование человека идеалистического склада:

В нем было более бессознательного влечения, нежели логически отчетливой причины учиться и знать, как и во всякой другой, даже самой мелкой деятельности, доселе его занимавшей. Еще в детских годах он прослыл чудачком и был непохож на товарищей. Родителей он не знал; от товарищей за свой странный, нелюдимый характер терпел он бесчеловечность и грубость, отчего сделался действительно нелюдим и угрюм и мало-помалу ударился в исключительность. Но в уединенных занятиях его никогда, даже и теперь, не было порядка и определенной системы; теперь был один только первый восторг,

первый жар, первая горячка художника. Он сам создавал себе систему; она выживалась в нем годами, и в душе его уже мало-помалу восставал еще темный, неясный, но как-то дивно-отрадный образ идеи, воплощенной в новую, просветленную форму, и эта форма просилась из души его, терзая эту душу; он еще робко чувствовал оригинальность, истину и самобытность ее: творчество уже сказывалось силам его; оно формировалось и крепло. Но срок воплощения и создания был еще далек, может быть, очень далек, может быть, совсем невозможен!

[Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 265–266]

Главный герой повести — идеалист Василий Ордынов — терпел поражение в борьбе с купцом Муриным, олицетворявшим исконную Россию.

По мысли молодого Достоевского, силу имела идея практическая, жизненная. Писатель связывал ее с образом Петра Великого. В фельетонной «Петербургской летописи» (1847) Достоевский писал:

И до сих пор Петербург в пыли и в мусоре; он еще созидается, делается; будущее его еще в идее; но идея эта принадлежит Петру I, она воплощается, растет и укореняется с каждым днем не в одном петербургском болоте, но во всей России, которая вся живет одним Петербургом. Уже все почувствовали на себе силу и благо направления Петрова, и уже все сословия призваны на общее дело воплощения великой мысли его. Следственно, все начинают жить. Всё — промышленность, торговля, науки, литература, образованность, начало и устройство общественной жизни, — всё живет и поддерживается одним Петербургом. Все, кто даже не хочет рассуждать, уже слышат и ощущают новую жизнь и стремятся к новой жизни. И кто же, скажите, обвинит тот народ, который невольно забыл в некоторых отношениях свою старину и почитает и уважает одно современное, то есть тот момент, когда он в первый раз начал жить. Нет, не исчезновение национальности видим мы в современном стремлении, а торжество национальности, которая, кажется, не так-то легко погибает под европейским влиянием, как думают многие. По-нашему, цел и здоров тот народ, который положительно любит свой настоящий момент, тот, в который живет, и он умеет понять его. Такой народ может жить, а жизненности и принципа станет для него на веки веков.

[Там же, т. 18, с. 26]

И страна, и даже сам Петербург растворялись в этой жизненной динамике, которая и становилась смыслом существования.

В написанном сразу после несостоявшегося расстрела письме брату Достоевский размышлял о том же соотношении жизни и ее смысла:

Брат! я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть *человеком* между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я сознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою. Да правда! та голова, которая создавала, жила высшею жизнью искусства, которая сознала и свыклась с возвышенными потребностями духа, та голова уже срезана с плеч моих. Осталась память и образы, созданные и еще не воплощенные мной. Они изъязвят меня, правда! Но во мне осталось сердце и та же плоть и кровь, которая также может и любить, и страдать, и желать, и помнить, а это все-таки жизнь!

[Там же, т. 28, кн. 1, с. 162]

Эти строки поражают своим повышенным оптимизмом. С юности мечтая разгадывать «тайну человека», Достоевский находит для этого новое поле — на каторге.

В 1854 году он писал:

Сколько я вынес из каторги народных типов, характеров! Я сжился с ними и потому, кажется, знаю их порядочно. Сколько историй бродяг и разбойник<ов> и вообще всего черного, горемычного быта! На целые томы достанет. Что за чудный народ. Вообще время для меня не потеряно. Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его.

[Там же, с. 172–173]

При этом он просил брата:

Не забудь же меня книгами, любезный друг. Главное: историков, экономистов, «Отечеств<енные> записки», отцов церкви и историю церкви. Перешли в разное время, но пересылай немедленно. <...> знай, брат, что книги — это жизнь, пища моя, моя будущность! <...> Пришли мне Коран, «Critique de raison pure» Канта и если как-нибудь в состоянии мне переслать не официально, то пришли непременно *Гегеля*, в особенности Гегелеву «Историю философии». С этим вся моя будущность соединена!

[Там же, с. 173]

Стремясь вернуться к чтению, Достоевский возвращался и к писательству. Его «народные типы» должны были обрести книжный голос.

В это время петербургский приятель Достоевского А. Н. Майков издал поэтический сборник «1854-й год», посвященный событиям Крымской войны. В стихотворении «Клермонтский собор» Россия называлась исторической приемницей Запада:

Вот так Латинские народы,
Во имя братства и любви,
Шли в отдаленные походы.
Кипела доблесть в их крови.
Иуде чуждая и Крезам,
Лишь славолюбием дыша,
Под этой сталью и железом
Жила великая душа,
И ею созданные люди
На нас колоссами глядят,
Которых каменные груди
Ни меч, ни гром не сокрушат.
Тогда в ряды священной рати
Не ополчались мы войной.
Отдельно, далеко от братии,
Вели мы свой крестовый бой,
Уж недра Азии бездонной,
Как разгоравшийся вулкан,
К нам слали чад своих мильоны:
Дул с степи жаркий ураган,
Металась степь, как океан, —
Восток чреват был Чингисханом!
И Русь одна тогда была
Сторожевым Европы станом,
И уж за веру кровь лила...
Недолго рыцарей глубоко
Так трогал клик: «Иерусалим!»
Стон христианского Востока
Все глуше становился им!
Россия гибла: к христианам
Взывала воплями она;

Но, как Иосиф агарянам,
Была от братьев продана!
Упала с громом Византия;
Семья славянских царств за ней;
Столпы сложились костяные
Из черепов богатырей;
За честь Евангеля Христова
Сыны Людовика Святого
Уж выручать не шли Царьград.
От брата отшатнулся брат...
Мы — крестоносцы от начала!
Орда рвала нас по клочкам,
Нас жгла, — но лучше смерть, чем срам;
Страдальцев кровью возрастала
И крепла Русь; как мститель встала
И, верная себе, идет
В обетованный свой поход.
За что же западные братья.
Забыв свой подвиг прежних лет,
Ей шлют безумные проклятья,
Как скрежет демонов во след?
За что ж с тоскою и заботой
На нас они, косясь, глядят?
За что ж на нас идут их флоты
И нам погибелью грозят?
**За что ж?.. За то, что мы созрели,
Что вдруг в учениках своих
Они совместников узрели;**
Что то не шутка: между них
Мы смело требуем гражданства!
Мы не пришельцы — зиждем храм,
Еще неведомый векам;
На необъятное пространство
Фундамент вывели; пред ним
Бледнеют древние державы, —
И новых сил, и новой славы
Младое солнце страшно им!
Докончить храм — в нас есть отвага,

В нас вера есть, в нас сила есть,
Все для него земные блага
Готовы в жертву мы принести...
За то, что нам пришлось на долю
Свершить, что Запад начинал;
Что нас отныне Бог избрал
Творить его святую волю;
Что мы под знаменем креста
Не лицемерим, не торгуем,
И фарисейским поцелуем
Не лобызаем мы Христа...
И, может быть, враги предвидят,
Что из России ледяной
Еще невиданное выйдет
Гигантов племя к ним грозой,
Гигантов — с ненасытной жаждой
Бессмертья, славы и добра,
Гигантов — как их мир однажды
Зрел в **грозном образе Петра.**

[1854-й год, 1855, с. 17–20]

Поэт явно отсылал читателя к пушкинскому образу Петра, как он был представлен в поэме «Полтава». В стихотворении «Послание в лагерь» Майков вновь оперировал пушкинскими образами, при этом дополняя их философическим понятием «идеал»:

Меж тем, как вы, друзья, в рядах родных полков
Идете Божией грозою на врагов,
О, как хотелось бы, хоть знак подать вам, братья,
Чтоб видели вы к вам простертые объятия,
Чтоб знали чувства вы, бушующие в нас,
Чтоб мощь оставшихся вся в вас перелилась.
Мой стих есть тоже меч — и с вашими мечами
Ужели не блеснет за Русь он под грозою?
Ужели может он молчать перед врагами?
К вам шлю его, друзья, в ваш лагерь боевой.
В нем вся моя душа помчится с вами к битве.
Я чувствую, что в нем есть сила, как в молитве,

В нем блещет **идеал России молодой**,
Который блещет нам водительной звездой.
Тот **гордый идеал**, который окрыляя
Любовию наш дух в годину горьких бед,
Все осязательней и ярче тридцать лет
Осуществляется под скиптром Николая.
[Там же, с. 21–22]

Майков написал Достоевскому письмо, к сожалению, пока не известное (не сохранившееся?) [Федянова, 2009]. В ответном письме Федор Михайлович отмечал, что всегда придерживался именно таких настроений:

Я говорю о патриотизме, об **русской идее**, об чувстве долга, чести национальной, обо всем, о чем Вы с таким восторгом говорите. Но, друг мой! Неужели Вы были когда-нибудь иначе? Я всегда разделял именно эти же самые чувства и убеждения. Россия, долг, честь? — да! я всегда был истинно русский — говорю Вам откровенно. Что же нового в том движении, обнаружившемся вокруг Вас, о котором Вы пишете как о каком-то новом направлении? Признаюсь Вам, я Вас не понял. Читал Ваши стихи и нашел их прекрасными; вполне разделяю с Вами патриотическое чувство нравственного освобождения славян. Это роль России, благородной, великой России, святой нашей матери. Как хорошо окончание, последние строки в Вашем «Клермонтском соборе»! Где Вы взяли такой язык, чтоб выразить так великолепно такую огромную мысль? Да! разделяю с Вами идею, что Европу и назначение ее окончит Россия. Для меня это давно было ясно. <...> Так и теперь: идея была освещена великолепно, вполне национально и рыцарски (это правда, надо отдать справедливость) — и наша политическая идея, завещанная еще Петром, оправдалась всеми.

[Достоевский, 1972–1990, т. 28, кн. 1, с. 309]

Судя по тексту, понятие «русская идея» присутствовало и в письме Майкова. Оба связывали ее с Петром и завершением пути развития самой Европы. Таким образом, «русская идея» выступала как последний крестовый поход, как освобождение христиан от османского ига.

По окончании Крымской войны акцент вновь сместился на внутренние преобразования, однако политическая логика осталась прежней. В 1858 году в частном письме Достоевский отмечал: «Правительство, которое у нас всегда было впереди и в главе общества, — что завещал сам Петр» [там же]. В октябре 1860 года в ряде периодических изданий было опубликовано подписанное

М. М. Достоевским (но несомненно написанное его братом) объявление о предстоящем в 1861 году выходе журнала «Время». Объявление стало настоящим манифестом нового направления:

Мы живем в эпоху в высшей степени замечательную и критическую. Не станем исключительно указывать, для доказательства нашего мнения, на те новые идеи и потребности русского общества, так единодушно заявленные всею мыслящею его частью в последние годы. Не станем указывать и на великий крестьянский вопрос, начавшийся в наше время... Всё это только явления и признаки того огромного переворота, которому предстоит совершиться мирно и согласно во всем нашем отечестве, хотя он и равносильен, по значению своему, всем важнейшим событиям нашей истории и даже самой реформе Петра. Этот переворот есть слитие образованности и ее представителей с началом народным и приобщение всего великого русского народа ко всем элементам нашей текущей жизни, — народа, отшатнувшегося от Петровской реформы еще 170 лет назад и с тех пор разъединенного с сословием образованным, жившего отдельно, своей собственной, особенной и самостоятельной жизнью.

[Там же, т. 18, с. 35]

Итак, предстоящие реформы рассматривались как логичное продолжение петровских, причем именно народ должен был присоединиться к обществу — а не наоборот.

Однако Достоевский впервые вносил критическую ноту в оценку Петра: «Реформа Петра Великого и без того нам слишком дорого стоила: она разъединила нас с народом» [там же, с. 36]. Тем не менее народ не рассматривался как какое-то абсолютное мерило:

Уже одно нравственное распадение народа с его высшим сословием, с его вожаками и предводителями показывает, какую дороною ценою досталась нам тогдашняя новая жизнь. Но, разойдясь с реформой, народ не пал духом. Он неоднократно заявлял свою самостоятельность, заявлял ее с чрезвычайными, судорожными усилиями, потому что был один и ему было трудно. Он шел в темноте, но энергически держался своей особой дороги. Он вдумывался в себя и в свое положение, пробовал создать себе воззрение, свою философию, распадался на таинственные уродливые секты, искал для своей жизни новых исходов, новых форм. Невозможно было более отшатнуться от старого берега, невозможно было смелее жечь свои корабли, как это сделал наш народ

при выходе на эти новые дороги, которые он сам себе с таким мучением отыскивал. А между тем его называли хранителем старых допетровских форм, тупого старообрядства. Конечно, идеи народа, оставшегося без вожатых на одни свои силы, были иногда чудовищны, попытки новых форм жизни безобразны. Но в них было общее начало, один дух, вера в себя незыблемая, сила непочатая. После реформы был между ним и нами, сословием образованным, один только случай соединения — двенадцатый год, и мы видели, как народ заявил себя. Мы поняли тогда, что он такое. Беда в том, что нас-то он не знает и не понимает.

[Там же]

Затем Достоевский формулировал антитезис по отношению к ранее сказанному. Народ должен приобщиться к культурному развитию, но само это развитие должно было устроиться на новых началах:

Петровская реформа, продолжавшаяся вплоть до нашего времени, дошла наконец до последних своих пределов. Дальше нельзя идти, да и некуда: нет дороги; она вся пройдена. Все последовавшие за Петром узнали Европу, примкнули к европейской жизни и не сделались европейцами. <...> Мы убедились наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача — создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал.

[Там же]

Собственно, русские, по мысли писателя, стали одной из больших и полноценных европейских наций — самобытной, как и каждая из них.

Синтезом реформистского тезиса и национального антитезиса и становилась «русская идея»:

На родную почву мы возвратились **не побежденными**. Мы не отказываемся от нашего прошедшего: мы сознаем и разумность его. Мы сознаем, что реформа раздвинула наш кругозор, что через нее мы осмыслили будущее значение наше в великой семье всех народов.

Мы знаем, что не оградимся уже теперь китайскими стенами от человечества. Мы предугадываем, и предугадываем с благоговением, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что **русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей**, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих

национальностях; что, может быть, всё враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности.

[Там же, с. 36–37]

Русская нация становилась последней в ряду великих европейских наций — и это давало ей известное преимущество. Важно отметить, что Достоевский резко отметал вопрос о правоте западников или славянофилов: «К их домашним раздорам наше время совершенно равнодушно» [там же, с. 37]. Западников и славянофилов предстояло помирить на практической почве — в ходе Великих реформ. «Русская идея» мыслилась именно в практическом ключе, первым шагом в ее реализации становилось распространение образования в народной среде после предстоявшей отмены крепостного права [там же, с. 36–37]. Таким образом, прежние представления писателя (петербургская идея, «настоящий момент») сочетались с каторжными впечатлениями (народный характер). «Записки из Мертвого дома» публиковались как раз с сентября 1860 года.

Много позднее, в «Сне смешного человека» (1877), Достоевский еще раз обозначил принципиальную разницу между отвлеченным знанием и деятельным преображением мира:

Но как мне не верить: я видел истину, — не то что изобрел умом, а видел, видел, и живой образ ее наполнил душу мою навеки. <...> Главное — люби других как себя, вот что главное, и это всё, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь как устроиться. А между тем ведь это только — старая истина, которую биллион раз повторяли и читали, да ведь не ужилась же! «Сознание жизни выше жизни, знание законов счастья — выше счастья» — вот с чем бороться надо! И буду. Если только все захотят, то сейчас всё устроится.

[Там же, т. 25, с. 118–119]

Собственно, это касалось любой абстракции, в том числе и на почве «русской идеи». Воплощением такого тупика стал персонаж романа «Подросток» Крафт, искренне любивший Россию, но путем логических умозаключений пришедший к выводу о ее «второстепенности»: в результате «всякая дальнейшая деятельность всякого русского человека должна быть этой идеей парализована, так сказать, у всех должны опуститься руки и...» [там же, т. 13, с. 44]. Крафт кончает самоубийством.

Тезис и антитезис, на которых держался синтез «русской идеи», были развиты Достоевским в первой же статье, опубликованной им во «Времени». Рассуждения о необходимости узнавать народ и идти ему навстречу вдруг (хотя

и вполне закономерно, в связи с вышеизложенным) заканчивались панегириком Пушкину:

Всё, что только могли мы узнать от знакомства с европейцами о нас самих, мы узнали; всё, что только могла нам уяснить цивилизация, мы уяснили себе, и это знание самым полным, самым гармоническим образом явилось нам в Пушкине. Мы поняли в нем, что русский идеал — всецелость, всепримиримость, всечеловечность. В явлении Пушкина уясняется нам даже будущая наша деятельность.

[Там же, т. 18, с. 69]

Более поздние размышления Достоевского выстраивались уже в этом ключе неизменно. Схождение образованного общества и народа становилось возможно, потому что главным умонастроением того и другого была именно «всецелость». Народ был воспитан в ней изначально: «*Формула. Русский народ весь в православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет — да и не надо, потому что православие всё. Православие есть церковь, а церковь — увенчание здания и уже навеки*» [там же, т. 27, с. 64]. Стоит вновь отметить: речь идет об идеальной проекции, реальность была сложнее: идея «народа-богоносца» не случайно озвучивается не самим писателем, а его героем — А. Шатовым. Образованное общество было воспитано Петром, причем тут «всецелость» оказывалась вовсе амбивалентной. С одной стороны, она могла провоцировать бездеятельное по отношению к народу состояние:

Мы до того уже оторвались от своей земли русской, что уже утратили всякое понятие о том, до какой степени такое учение рознится с душой народа русского. Впрочем, русский народный характер мы не только считали ни во что, но и не признавали в народе никакого характера. Мы забыли и думать о нем и с полным деспотическим спокойствием были убеждены (не ставя и вопроса), что народ наш тотчас примет всё, что мы ему укажем, то есть в сущности прикажем. На этот счет у нас всегда ходило несколько смешнейших анекдотов о народе. Наши **общечеловеки** пребыли к своему народу вполне помещиками, и даже после крестьянской реформы.

[Там же, т. 25, с. 22]

С другой же, всё выглядело прямо наоборот:

Стать русскими во-первых и прежде всего. Если **общечеловечность есть идея национальная русская**, то прежде всего надо каждому стать русским, то

есть самим собой, и тогда с первого шагу всё изменится. Стать русским значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнет и он нас самих уважать.

[Там же, с. 23].

Соответствующий идеал выступал как церковь, разумеется, лишь в деятельном становлении: «*Государство есть церковь*. Наше различие с Европой. Государство есть по преимуществу христианское общество и стремится стать церковью (христианин-крестьянин). *В Европе, наоборот* (одно из глубоких наших различий с Европой)» [там же, т. 27, с. 80]. Духовный путь Европы вел ее к «социализму» (материальной справедливости):

Высшая нравственная идея, выработавшаяся всей жизнью Запада, есть грядущий социализм и его идеалы, и об этом нет возможности спорить. Но христианская правда, сохранившаяся в православии, выше социализма. Тут-то мы и встретимся с Европой... то есть разрешится вопрос: Христом спасется ли мир или совершенно противоположным началом, то есть уничтожением воли, камнем в хлебы.

[Там же, т. 24, с. 185]

В результате «русская идея» могла стать выходом для Европы, зашедшей в тупик: «Я убежден, что судьей Европы будет Россия. Она придет к нам с коммунизмом, рассудит ее. И Россия решит вовсе не в пользу одной стороны. Ни одна сторона не останется довольна решением. Всё в будущем столетии» [там же, с. 147]. Прогноз, как известно, не оправдался. Впрочем, это не помешало О. Шпенглеру в 1922 году сделать прогноз еще более смелый: «Христианству Достоевского принадлежит следующее тысячелетие» [Spengler, 1922, Bd. 2, S. 237].

В отношении Востока, в связи с Балканским кризисом 1875–1878 годов, была актуализирована прежняя программа, сформулированная в диалоге с Майковым:

Выгода России именно, коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливости. Не может Россия изменить великой идее, завещанной ей рядом веков и **которой следовала она до сих пор неуклонно**. Эта идея есть, между прочим, и всеединение славян; но всеединение это — не захват и не насилие, а ради всеслужения человечеству.

Да и когда, часто ли Россия действовала в политике из прямой своей выгоды? Не служила ли она, напротив, в продолжение всей петербургской своей истории всего чаще чужим интересам с бескорыстием, которое могло бы удивить Европу, если б та могла глядеть ясно, а не глядела бы, напротив, на нас всегда недоверчиво, подозрительно и ненавистно. Да бескорыстие в Европе и вообще никто и ни в чем не поверит, не только русскому бескорыстию, — поверят скорее плутовству или глупости. Но нам нечего бояться их приговоров: в этом самоотверженном бескорыстии России — вся ее сила, так сказать, вся ее личность и всё будущее русского назначения. Жаль только, что сила эта иногда довольно-таки ошибочно направлялась.

[Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 45–46]

Освободительные реформы и Освободительная война выступали в тесной взаимосвязи.

С 1870-х годов писатель стал более критичен по отношению к Петру Великому, но этот «Камень» всё равно занимал в идейных построениях очень важное, принципиальное место:

Через реформу Петра произошло расширение *прежней* же нашей идеи, русской московской идеи, получилось умножившееся и усиленное понимание ее: мы сознали тем самым всемирное назначение наше, личность и роль нашу в человечестве, и не могли не сознать, что назначение и роль эта не похожи на таковые же у других народов, ибо там каждая народная личность живет единственно для себя и в себя, а мы начнем теперь, когда пришло время, именно с того, что станем всем слугами, для всеобщего примирения. И это вовсе не позорно, напротив, в этом величие наше, потому что всё это ведет к окончательному единению человечества. Кто хочет быть выше всех в царствии божием — стань всем слугой. Вот как я понимаю русское предназначение *в его идеале*. Сам собою после Петра обозначился и первый шаг нашей новой политики: этот первый шаг должен был состоять в единении всего славянства, так сказать, под крылом России. И не для захвата, не для насилия это единение, не для уничтожения славянских личностей перед русским колоссом, а для того, чтоб их же воссоздать и поставить в надлежащее отношение к Европе и к человечеству, дать им, наконец, возможность успокоиться и отдохнуть после их бесчисленных вековых страданий; собраться с духом и, ощутив свою новую силу, принести и свою лепту в сокровищницу духа человеческого, сказать и свое слово в цивилизации.

[Там же, с. 47]

Итог был таков: «Империя, после турков, должна быть не всеславянская, не греческая, не русская — каждое из этих решений не компетентно. Она должна быть православная, — тогда всё понятно» [там же, т. 24, с. 208].

Иными словами, «русская идея» («русский идеал») Достоевского, по сути, была идеей реализации всемирного христианского идеала. Русским в ней было лишь то, что, по мысли писателя, именно Россия, как последняя и самая молодая из европейских наций, могла этот идеал осуществить. Христианская задача деятельной жертвенной любви могла быть реализована Россией. Однако это был лишь проект. «Сознание жизни» и «знание законов счастья», пусть и в русле «русской идеи», не помогало ровным счетом никак. Точнее, было чревато самоубийственным заблуждением. В полемике после Пушкинской речи Достоевского А. Д. Градовский и К. Д. Кавелин вернули писателю этот аргумент. Градовский, касаясь призыва к смирению, отмечал: «Работать над собой и смирять свои страсти можно и в пустыне, и на необитаемом острове. Но как существа общественные люди развиваются и улучшаются в работе *друг подле друга, друг для друга и друг с другом*» [Градовский, 1880]. Отсюда, по мысли публициста, в первую очередь вытекла необходимость вести народ к европейскому образованию. Только после этого можно было бы ставить более крупные задачи: «Не сделавшись как следует народностью, вдруг мечтать о всечеловеческой роли! Не рано ли?» [там же]. Между тем для Достоевского это были тождественные задачи. Кавелин писал: «Я мечтаю только о том, чтоб мы перестали говорить о нравственной, душевной христианской правде и начали поступать, действовать, жить по этой правде! Через это мы не обратимся в европейцев, но перестанем быть восточными людьми и будем в самом деле тем, что мы есть по природе, — русскими» [Кавелин, 1880, с. 454–456. Цит. по: Достоевский, 1972–1990, т. 26, с. 489–490]. По результатам полемики в частном письме Достоевский признавался в ожидании «новой интеллигенции», которая «хочет быть с народом»:

А первый признак неразрывного общения с народом есть уважение и любовь к тому, что народ всюю целостью своей любит и уважает более и выше всего, что есть в мире, — то есть своего Бога и свою веру. Эта новогрядущая интеллигенция русская, кажется, именно теперь начинает подымать голову. Именно, кажется, теперь она потребовалась к общему делу, и она это начинает и сама сознавать.

[Достоевский, 1972–1990, т. 30, кн. 1, с. 236]

Проект вселенской унии и «общественной организации» Соловьева оказался полностью противоположен идее Достоевского. У Соловьева Россия должна

была не нести миру свой идеал, а склониться перед идеалом западным: именно он рассматривался как вселенский. Кроме того, от самой России не требовалось никаких особых усилий, разве что ее царь должен был смириться перед папой римским. Поэтому Достоевский в соловьевской брошюре и не упоминался. Однако о нем говорилось в иной статье, получившей именование «Русский национальный идеал». Соловьев писал:

Достоевскому пришлось бы отказаться от множества закоренелых предрассудков, предвзятых идей и стихийных национальных инстинктов, которые в нем были и которые он высказывал в своих произведениях, не замечая их противоречия с провозглашенным им вселенским идеалом. <...> Смерть избавила Достоевского от непосильной внутренней борьбы. Но если память этого гениального прозорливца и страдальца сохранилась незапятнанною сознательным отречением от его лучших идеалов в пользу темного ига действительности, то противоречия между этими идеалами и многими непросветленными взглядами в его произведениях так и остались неразрешенными, и никто из нас не может целиком принять его духовного наследия.

[Соловьев, 1989, с. 289]

У Бердяева Достоевский благодаря своей антропологии оказывался центральной фигурой книги «Русская идея»: «Русская философия — в Достоевском» [Бердяев, 2008, с. 198]. При этом сделанные Соловьевым упреки Достоевскому Бердяев принимал [там же, с. 102, 163]. Бердяевская «русская идея» была идеей новой общественности:

В одном радикально ошибся Достоевский и оказался плохим пророком. Он думал, что интеллигенция заражена атеизмом и социализмом. Но верил, что народ не примет этого соблазна, останется верен Христовой Истине. Это была аберрация народнического сознания. Религиозное народничество Достоевского ослабило его пророческий дар. Русская революция опровергла русское религиозное народничество, изобличила иллюзии и обманы народнического сознания. «Народ» изменил христианству, «интеллигенция» же начинает возвращаться к христианству.

[Бердяев, 1923, с. 193]

Как отмечалось выше, мысль Достоевского была сложнее, и место для «новой интеллигенции» в ней, безусловно, находилось. Так же как и для государства, и для церкви, к которым Бердяев, писавший через 30 лет после 1917 года,

был настроен намного скептичнее. Хотя это и не мешало ему верить в новую общественность.

Для Достоевского «русская идея» также воплощалась в будущем, становилась смысловым завершением пути России как европейской державы, русского народа как европейского христианского народа, а также и самой Европы. Начало этому пути было положено христианизацией Руси, но важнейшими вехами становились реформы Петра I и Александра II. Издержки тех и других Достоевский принимал как неизбежное зло, однако положительный смысл писателю был вполне очевиден. Текущей задачей становилось деятельное развитие этого процесса, в первую очередь через образование народа. Без этого развития перспектива реализации «русской идеи» могла быть утеряна.

Список источников

1854-й год. Стихотворения А. Н. Майкова. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1855. 56 с.

Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. Прага: The YMCA PRESS Ltd., 1923. 238 с.

Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 318 с.

Горелов А. А. Ф. М. Достоевский: русская идея и русский социализм // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 1. С. 50–66.

Градовский А. Мечты и действительность (По поводу речи Ф. М. Достоевского) // Голос. 1880. № 174. 25 июня.

Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы. М.: Эксмо, 2003. 448 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Л.: Наука, 1972–1990. 30 т.

Кочеров С. Н., Парилов О. В., Кондратьев В. Ю. Философия русской идеи. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ им. К. Минина, 2018. 277 с.

Соловьев В. С. Сочинения. В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. 735 с.

Федянова Г. В. Неизвестное письмо А. Н. Майкова: опыт реконструкции // Вестн. Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2009. № 3. С. 177–181.

Яицкий В. А. Трансформация русской идеи как особенность формирования национального самосознания. Дисс. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2011.

Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte, 2 Bd. München: Beck, 1922. Bd. 2.

References

1854-j god. Stihotvorenija A.N. Majkova [1854th Year. Poems by A.N. Maikov] (1855) St. Petersburg: Tipografija imperatorskoj Akademii nauk.

Berdjaev, N.A. (1923) *Mirosozercanie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Worldview]. Praga: The YMCA PRESS Ltd.

Berdjaev, N. (2008) *Russkaja ideja* [Russian Idea]. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ.

Dostoevskii, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad: Nauka Publ.

Fedjanova, G.V. (2009) 'Neizvestnoe pis'mo A.N. Majkova: opyt rekonstrukcii' ['Unknown Letter from A.N. Maikov: The Experience of Reconstruction'], in *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, 3, pp. 177–181.

Gorelov, A.A. (2017) 'F.M. Dostoevskij: russkaja ideja i russkij socializm' ['F.M. Dostoevsky: The Russian Idea and Russian Socialism'], *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 1, pp. 50–66.

Gradovskij, A. (1880) 'Mechty i dejstvitel'nost' (Po povodu rechi F.M. Dostoevskogo) ['Dreams and Reality (Concerning the Speech of F.M. Dostoevsky)'], *Golos*, 174, 25 June.

Gulyga, A.V. (2003) *Russkaja ideja i ee tvorcy* [The Russian Idea and its Creators]. Moscow: Jeksmo Publ.

Jaickij, V.A. (2011) *Transformacija russoj idei kak osobennost' formirovanija nacional'nogo samosoznaniya. Diss. ... kand. filos. nauk* [The Transformation of the Russian Idea as a Feature of the Formation of National Identity. Dissertation PhD in Philosophy]. Nizhnij Novgorod.

Kocherov, S.N., Parilov, O.V., Kondrat'ev, V.Ju. (2018) *Filosofija russoj idei* [Philosophy of the Russian Idea]. Nizhnij Novgorod: Izdatel'stvo NGPU im. K. Minina.

Solov'ev, V.S. (1989) *Sochinenija: v 2 tomakh. Tom 2* [Works: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Pravda Publ.

Spengler, O. (1922) *Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte, 2 Bd. Bd. 2*. München: Beck.

Информация об авторе: Ф. А. Гайда — доктор исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Адрес: Российская Федерация, 119192, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4; ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории Русской Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского

гуманитарного университета (ПСТГУ). Адрес: Российская Федерация, 115184, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23 Б.

Information about the author: F. A. Gayda — DSc in History, Associate Professor at the History Department of the Lomonosov Moscow State University. Address: 4, 27 Lomonosovsky Prosp., Moscow, 119192, Russian Federation; Leading Research Fellow at the Department of Contemporary History of the St. Tikhon Orthodox University. Address: 23B Novokuznetskaya Str., Moscow, 115184, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.09.2021;
одобрена после рецензирования 16.02.2022;
принята к публикации 27.02.2022.

The article was submitted 03.09.2021;
approved after reviewing 16.02.2022;
accepted for publication 27.02.2022.